

Образ матери в поэзии К. Эрендженова

The Image of the Mother in K. Erendzhenov's Poetry

*Н. Ч. Очирова (N. Ochirova)*¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: ochirnudlya@mail.ru

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: ochirnudlya@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию раннего поэтического творчества К. Эрендженова 1930-х годов. Творческое мировоззрение калмыцких поэтов и писателей выражало взгляды и настроения представителей широких масс населения советской эпохи.

Одной из основных задач современного калмыцкого литературоведения является создание целостной концепции истории калмыцкой литературы. В этой связи возникает необходимость исследования его истоков и выяснения роли национальной поэзии в литературном процессе XX столетия.

В поэзии Константина Эрендженова по-настоящему глубоко и полно представлена тема матери. В мировой литературе образ матери является одним из наиболее почитаемых и преемственно связан с фольклорной традицией.

Ключевые слова: советская литература, калмыцкая поэзия, К. Эрендженов, автобиографичность, творческая манера, образ матери.

Abstract. One of the main objectives of contemporary Kalmyk literary studies is to create a comprehensive concept of the history of Kalmyk literature. In this regard, there appears a need to study its beginnings and evaluate the role of the national poetry in the literary process of the 20th century.

The article examines the early period (the 1930s) of K. Erendzhenov's poetry-writing. The artistic mindset of Kalmyk poets and writers expressed the popular opinions and sentiments of the Soviet society.

The theme of the Mother is deeply and fully represented in Konstantin Erendzhenov's poetry. In world literature, the image of the Mother is one of the most esteemed ones and is continually connected with the folklore tradition.

Keywords: Soviet literature, Kalmyk poetry, K. Erendzhenov, autobiographical character, artistic manner, image of the Mother.

Народный поэт Калмыкии, прозаик, публицист, переводчик, общественный деятель Калмыцкой АССР Константин Эрндженевич Эрндженев (1912–1991) внес огромный вклад в развитие национальной калмыцкой литературы, оставив богатое творческое наследие. Константин Эрндженев известен как тонкий знаток калмыцкого языка, использовавший в своих произведениях яркие выразительные средства, бытующие в калмыцком языке. Автор обладал своеобразной творческой манерой, писательской культурой, оригинальным языком и стилем. Данная статья посвящена исследованию раннего, 1930-х годов, поэтического творчества К. Эрндженева. В ранней поэзии автора по-настоящему глубоко и полно представлена тема матери.

На протяжении жизненного и творческого пути Константину Эрндженеву пришлось пережить немало трагических событий. Родился он в 1912 г. в урочище Овата, местности Чонын Царнг Бага-Чоносовского аймака Манычского улуса в семье пастуха Эрнджена из рода Хадыргыс. Всего в их семье было четверо детей: старший брат Мутул, брат Хара, сестра Кермен и младший Ботхон (калмыцкое имя Константина Эрндженева). Тяжелым ударом для пятилетнего мальчика стала смерть матери в результате болезни. Будучи подростком, он столкнулся с нелегким трудом скотовода, вместе с отцом и братьями он работал по найму у богатых людей, чтобы прокормить большую семью.

Творческий путь Константина Эрндженева начался в 1930-е гг., в период активного становления калмыцкой советской литературы. Именно с этого времени стихи, поэмы, очерки, переводы талантливого литератора стали публиковаться на страницах республиканской периодической печати. Во многом начинающему поэту помогли его старшие товарищи Антон Амур-Санан (1888–1938) и Нимгир Манджиев (1905–1936), стоявшие у истоков современной калмыцкой литературы. В 1932 г. Константин Эрндженев совместно с Цереном Леджиновым (1910–1942) выпустил сборник стихотворений на родном языке «Алдр диилвр» («Великая победа»). В 1935 г. вышло в свет сразу два его издания — сборник стихотворений «Теегин очн» («Степная искра») и рассказ «Өргмж» («Поощрение»). В сборник вошли как ранее опубликованные, так и

новые стихи: «Мини дуудлһн» («Мой призыв, 1931 г.), «Иньгүдән санув» («Я вспоминаю о друзьях», 1931 г.), «Чаңһар атх» («Крепче сжимай», 1931 г.), «Мини менд» («Мое приветствие», 1932 г.), «Улан туг» («Красное знамя», 1933 г.), «Хар холын бээдл» («Жизнь каракольских калмыков», 1933 г.), «Мартгдхн уга» («Не забудется», 1934 г.) и др.

Вместе с тем Константин Эрндженович Эрндженов известен не только как поэт, но и как прозаик. Широкую популярность начинающему писателю принесла его автобиографическая повесть «Дууч шар хөөч» (*в русском переводе* «Песнь чабана»). В последующем повесть выдержала еще два издания в 1934 и 1958 гг., в переводе А. Мусатова она вышла в 1960 г. «Горьковские традиции помогли калмыцким писателям, в частности, авторам автобиографических повествований А. Амур-Санану и К. Эрндженову, творчески использовать национальный художественный опыт и развивать в письменной литературе фольклорные традиции» [История... 1980: 133].

Повесть «Дууч шар хөөч» была написана в 1932 г., в 1960-е гг. писатель возвращается к ранее созданной довоенной повести, значительно углубляет и дополняет ее. В результате большой работы повесть перерастает в роман «Һалан хадһл» в двух книгах (I — 1963, II — 1965), написанный простым и живым языком, чему способствовало прекрасное знание автором кочевого уклада, национального быта и языка. В повести «Аңһучин көвүн» (1976) через образ главного героя — Мергена — раскрывается судьба сына охотника, с детства, впитавшего в себя запах родной степи, древние традиции и обычаи предков, воспитанного в духе патриотизма и любви к своему народу [Очирова 2011: 12].

В 1937 г. литературный путь К. Эрндженова, как и многих представителей советской творческой интеллигенции (литераторов, художников, актеров, журналистов) того периода, был прерван незаконными репрессиями. Как отмечал известный калмыцкий литературовед В. Д. Пюрвеев, «Он был одним из тех художников, которые выросли из гущи самой жизни и многое знали о ней. Популярность его восходила в грозное время, когда в огне и крови тоталитарного режима бушевала история. Поэт был кровным сыном своего времени и жертвой системы, которую он воспевал»

[Пюрвеев 2013: 332]. В 1938 г. он был незаконно осужден и долгие годы отбывал наказание в лагерях ГУЛАГа на Колыме. Рассказывая об этом периоде жизни К. Э. Эрендженова, патриарх калмыцкого джангароведения А. Ш. Кичиков писал: «...там погибли талантливые поэты Гаря Даваев, Кару Манджиев; в числе немногих уцелел Константин Эрендженов. Уцелел благодаря «закалке» с юности, батрацкому прошлому. Голод, холод, тяжкий труд, каторга были повторением урока, урока невообразимого, бессмысленного...» [Кичиков 2013: 294].

Тяжелые испытания, выпавшие на его долю, не сломили в нем лирический дух поэта. Быть может, поэтому жизненный и творческий путь К. Эрендженова схож с живым родником, который пробивается сквозь камни и обладает исцеляющей силой добра, а его художественный мир наполнен светом, сильными эмоциями, неумной энергией и жизнелюбием. Одной из таких высоких и светлых нот в его лирике является образ матери, которым он так дорожил. Немало лирических произведений поэта посвящены этой теме. В стихотворении «Экин седкл» (*в русском переводе «Душа матери»*) передается вся глубина его трепетного отношения к матери. Автор пишет о тихом счастье своих родителей, когда первый плач огласил его рождение в бедной юрте степняка:

<i>Хаһрха ишкэ герт</i>	В дырявой войлочной юрте
<i>Хурмии деер төрлэв,</i>	Я родился на старом куске войлока,
<i>Хажсин хуһрха балгар</i>	Обломком лезвия косы
<i>Хээртэ киисэн керчүллэв.</i>	Перерезана мне пуповина.
<i>Бэрклсн дууһим соңсад,</i>	Услышав мой кричащий голос,
<i>Баавм мини байсла.</i>	Радовался мой отец.
<i>Чишксн дууһим чиңнэд,</i>	Прислушиваясь к моему плачущему крику,
<i>Чигтхлэж экм босла.</i>	С трудом вставала мать.
[Эрендженов 1969: 25]	[подстр. перевод с калм. автора. — Н. Ч.]

Повествуя о нелегкой доле женщины-степнячки, автор рисует образ матери, которая вынуждена, оторвав от себя ребенка, работать

от самого рассвета и до заката. И только рано утром или поздно вечером она могла дать волю материнскому чувству, прижать к сердцу и приласкать маленького сына:

*Зала торһн альхарн
Зулаһим илжэ таалдмн,
Зуркнәнм цокан эәһәр
Зовкан эрэ харһулдмн.*

Мягкой шелковистой ладонью
Ласково гладила по моему темечку,
Под звуки моего сердцебиения
Еле смыкала свои веки.

*Хар өрлэ урлдэж
Халхасм үмсэж босдмн,
Хавижэ һаза заратрад,
Хар салькнд чичрдмн...*

Состязаясь с восходом солнца,
Поднималась, поцеловав меня в щеки.
Стуча [досл. шелкая зубами],
замерзая на улице,
Дрожала от сильного ветра...

*Өврлэж хонсн көвүнь
Өрч-зуркнднь манчурдм.
Өдрин гегэн тасртл
Өкэр көвүнь өнчрдм.*

Сын, ночевавший в ее объятиях,
Капризничал у груди.
Пока не иссякнет дневной свет
Ее милovidный сын сиротел.

[Эрендженов 1969: 25].

[подстр. перевод с калм. автора. — Н. Ч.].

С чувством безграничной любви и благодарности поэт отмечает всю глубину и чистоту материнской души и сердца, переполненного тревогой за свое дитя, и приводит строки из народной мудрости: «Экин седкл — үрнд, үрнэ седкл — көдэд» («Мысли матери — о детях, мысли детей — о степи») [Эрендженов 1969: 26]. Константин Эрендженов рассуждает о том, что едва ли есть на свете место мягче и уютнее, чем ласковые объятия матери, и пища слаще, чем материнское молоко. В душе он оставался все тем же степняком-пастушонком, который через всю свою жизнь пронес воспоминания о теплых маминых руках, которые согрели его в годы испытаний:

*Экин өврэс жсөөлн,
Эңкр бээрн бээхий?
Экин үснэс элтэхн —
Эдлвр күн хээхий?*

Мягче объятий матери,
Есть ли дороже место?
Слаще молока матери —
Будет ли человек искать пищу?

<i>Экинм алтн уург</i> <i>Эззгэрж амндм бээһэ,</i>	[Вкус] молозива моей матери, Словно сыр, до сих пор остается у меня на губах,
<i>Эвлүн жөөлн һаринь</i> <i>Эндрин бийднь хээв.</i>	Ее ласковые мягкие руки По сегодняшний день ищу.
<i>Экинм седкл йорал уга,</i> <i>Экинм зуркн йөрэлин дала.</i>	Душа моей матери — бездонна, Сердце моей матери — океан благословения.
<i>Экин эңкриг хуврэхив.</i> <i>Эрднь ачинь мартхив!</i>	Не изменю ласке матери. Ее драгоценной пользы не забуду!
[Эрендженев 1969: 26]	[подстр. перевод с калм. автора. — Н. Ч.]

Традиционно в классической поэзии образ матери в произведениях выходит за рамки посвящения одному конкретному человеку — родной матери и становится образом Родины. Тема Родины, неразрывно связанная с образом матери, является одной из ведущих в поэзии К. Эрендженева. Особенно трогательно звучат строки из стихотворения «Элстин туск частр» («Гимн Элисте», в переводе В. Стрелкова «Город родной»), в котором степная столица отождествляется с образом родной матери:

<i>Эргэд, төггэд йовхнь</i> <i>Элтм оньдин сангдна,</i> <i>Эк болгч чамасн</i> <i>Эңкрнь уга болна.</i>	[Какие бы края] не обошел, не объездил, Всегда вспоминается моя Элиста. Словно мама моя, кроме тебя, Роднее нет никого.
<i>Хол һазрт йовхнь</i> <i>Харм төрж саннав,</i> <i>Хамдан өссн чамасн</i> <i>Хээртэнь уга болна.</i>	Будучи в дальних краях, Испытываю горечь разлуки, Вместе подросшие, кроме тебя, Дороже нет никого.
[Эрендженев 1969: 15]	[подстр. перевод с калм. автора. — Н. Ч.]

Поэт передает душевное состояние лирического героя, вынужденного долгие годы находиться в разлуке с родными местами. Воспоминания автора о горестном детстве, юности, школе, первой любви и первых поэтических шагах незыблемой нитью связаны с родной степью и таким дорогим сердцу городом:

В поэтическом творчестве К. Эрендженова важную смысловую нагрузку несет автобиографичность. Ярким тому примером может послужить поэма «Мөнк көк уласд» («Вечнозеленые тополя»), в русском переводе А. Аквилева «Мы корни — вечные земли». Произведение выстроено в виде монолога, в котором передается вся сила чувств и душевных переживаний лирического героя. В первых же строках поэмы автор идентифицирует образ калмыцкой степи с образом матери и выражает ей сыновнюю любовь и благодарность:

*Тег мини, теегм,
Тезжалта сээхи ээжм,
Эңкр ээлтэ чамалан
Экэн гижэ сөгднэв.*

*Над степью солнечной стою,
Моя единственная мать.
Сыновний долг я отдаю,
Который сроду не отдам.*

*Девларн оражэ элкндэн шахад,
Дуулн-уульжэ саатулдэ билэч,
Илгн делгэ дорм делгэд
Ишкэ өлгэд өсклэч.*

*Лежал комочком на кошме
Тянулся к высохшей груди.
Ты написала грустно мне
О том, что ждет нас впереди.*

*Тиим килмжэстэ экм
Теегиннь өрд мөңкрлэ,
Түрү баһасн үзэд
Тачалта хөөһжэ, өнчруллэ.*

*Мне напоследок не обнять,
А лишь смотреть в последний раз
На уходящую от нас
Тебя, единственная мать!*

*Көөтэ ишкэ герм
Киит урсжэ көндэрлэ,
Көгшин эцкм саналдад
Көвүдүрн хэлэжэ келкэрлэ...*

*Седее чем ковыль степной,
Стоял отец с тоской в очах...
Ты солнце унесла с собой,
Дом опустел. Остыл очаг...*

[Эрендженов 1996: 43–45]

[Эрендженов 1976: 88–89.
В переводе В. Стрелкова]

В рассматриваемом произведении показан лирический сюжет, в котором проявляются внутренние переживания героя, горечь его воспоминаний о безвременно ушедшей матери, о рано постаревшем отце.

З. И. Килганова отмечает, что образ дореволюционной женщины не является однозначным. Страдания матери воспринимаются как страдания самой Калмыкии, ее образ приводит к теме социаль-

ной несправедливости. Начав поэму как лирическую исповедь-обращение к матери, поэт расширяет смысловую нагрузку и содержание образа матери. Поэма становится исповедью сына, а образ матери воспринимается как образ матери-родины [Килганова 2013: 289].

Развитие поэтической мысли помогает понять авторский замысел, каждая глава, графически выделенная рефреном, усиливает содержание произведения. Символические образы поэмы усиливают лирическую тему: матушка — степь, вечно синее небо — отец, зеленый тополь, являющийся символом молодости и возрождения, обобщается с образом лирического героя и автора поэмы, возвращенного родной землей, водой под вечно синим небом.

<i>Ицжэ тег экм</i>	Так матушка-степь,
<i>Ицжэ уласдим саатуллач.</i>	Надеясь, ты убаюкивала мои тополя.
<i>Теңчэд көлэн тулад —</i>	Набравшись сил, встав на ноги,
<i>Теңгрт курхинь мөрәлдәч.</i>	Наградила тем, что достигли [тополя] до небес.

<i>Көкрәч көк теңгәрән</i>	Свое вечно синее небо
<i>Көгшин ааван болһнав,</i>	Чту как своего старого отца,
<i>Кенз көк уласан</i>	Свой поздний зеленый тополь
<i>Көгшртлән көвүшлжэ эңкрлнәв.</i>	Усыновив, до старости буду любить.
[Эрендженов 1996: 47–49].	[подстр. перевод с калм. автора. — Н. Ч.].

Таким образом, на материале поэтических произведений К. Эрендженова «Экин седкл», «Элстин туск частр», «Мөңк көк уласд», относящихся к наиболее раннему творчеству поэта изображен обычный тип калмыцкой семьи дореволюционного периода с учетом семейных традиций национальной культуры. В рассмотренных произведениях Константина Эрендженова воплощен образ семьи, которая не защищена и находится в тяжелейших условиях, обусловленных социальным положением калмыцкого народа в начале XX столетия. При этом поэт создает сильной, любящей, преодолевающей все трудности и беды образ матери, ее сила кроется в высоких нравственных чувствах. Свои поэтические строки-посвящения он пишет с чувством безграничной сыновней любви и благодарности к матери, отцу и родной земле.

Литература

История калмыцкой литературы. В 2-х томах. Т. 2. Советский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с.

Килганова З. И. Пылающие тюльпаны (поэзия Константина Эрендженова) // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов. Элиста: КалмГУ, 2013. С. 281–291.

Кичиков А. Ш. Он оставил нам свое время // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов. Элиста: КалмГУ, 2013. С. 291–295.

Очирова Н. Ч. «Лексико-стилистические особенности языка художественных произведений К. Эрендженова»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2011. 23 с.

Пюрвеев В. Д. Сердце, открытое народу // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов. Элиста: КалмГУ, 2013. С. 331–334.

Эрендженов К. Э. Мини йөрэл. Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1969. 67 с.

Эрендженов К. Э. Шаги по огненным тюльпанам. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 103 с.